

Отчуждение человек в обыденной жизни

Сергей Пилецкий

О МСТИ ПРЯМО И ПРОСТО

Аннотация. *Исследуется извечная проблема – месть и значение мести и возмездия в человеческой истории. Автор пытается доказать, что не только эти понятия взаимосвязаны, не только развитие человеческого общества шло по пути упорядочения, институционализации и эволюции кровной мести в цивилизованное возмездие, но что эта эволюция мало того что с обратной связью и точкой возврата, главное – она предстает как история бесчестия.*

Ключевые слова: *месть; возмездие; человеческое общество; социальная история; безнаказанность; бесчестие.*

Abstract. *The article is devoted to researching the eternal problem – the place and the significance of revenge and retribution. The author tries to prove that not only these concepts are interrelated, not only the development of human society moved on the way of ordering, institutionalization and evolution vendetta into the civilized retribution, enough that this evolution is with the feedback and with the return point, the main – it's the history of dishonor.*

Keywords: *revenge; retribution; the human society; the social history; impunity; dishonor.*

Ветхий Завет
о мести

Мечь оболгана. Редко, пожалуй, встретишь такую тему, где бы таилось столько искренне наивных иллюзий, культивируемого обмана и предумышленной неправды. Неправды давней, хорошо завуалированной, заботливо вскармливаемой «химерами», опекунами взлелеянной и конспиративно внедряемой. Непраздный вопрос: а откуда это, собственно говоря, взялось, что мстить – нехорошо, неприлично, недопустимо, нецивилизовано? Словом, категорически противопоказано. Сколько в этом правды – мы еще в дальнейшем постараемся разобраться, а пока именно так: откуда это все же взялось?

«Око за око, зуб за зуб...»

Из Ветхого Завета это взяться никак не могло: там как раз наоборот, не просто указывается, а с высочайшего престола приказывается быть мстительным. Императивная максима «перелом за перелом, око за око, зуб за зуб» (Лев. 24:20) – сентенция, согласитесь, труднозабываемая. И что ведь характерно: Иегова нещадно и показательно карал свой избранный народ именно за недолжное, то бишь за недостаточно точное и безукоснительное, исполнение сего завета. Так что, по Божьим законам, исходя из ветхозаветных установлений, гораздо лучше в этом деле переусердствовать, нежели недоусердствовать. Ветхий Завет – это, без всякого преувеличения, энциклопедия жесточайшего мщения. Кто сомневается – отсылаю к первоисточнику.

Мечь и «золотое правило поведения»

Из конфуцианского «золотого правила поведения», согласно которому с другими надлежит поступать так же, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой, это тоже взяться не могло. По преданию, однажды ученики спросили Конфуция: «Учитель, как одним словом выразить главнейшую нравственную заповедь, которой нужно было бы руководствоваться в жизни?» И Учитель ответил им: «Взаимность». То есть это не что иное, как классически расхожее «ты – мне, я – тебе»: как ты со мной, так и я с тобой.

Принцип возмездия как краеугольный камень человеческого общежития

Тогда, согласитесь, это мало чем отличается от ветхозаветного «око за око, зуб за зуб» – все тот же принцип возмездия как краеугольный камень человеческого общежития, предзадающий возможность человеческой цивилизации. Попытка перевода сей максимы из позитивного предписания в свой отрицательный аналог и придание ей формы запрета: «Не поступай с другими так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой» – мало что меняет и мало что дает. Очевидно же, что из него невозможно почерпнуть ответ на судьбоносный, испокон веку мучающий человечество вопрос: а как, собственно, поступать с теми, кто поступает так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой? Ведь в этом же соль! Но, судя по тому, как развивалась китайская цивилизация, кои традиции так высоко чтит сам и завещал потомкам трепетно соблюдать Конфуций, речь можно вести исключительно о принципе воздаяния и возмездия.

Новый Завет о мести

Но уже в Новом Завете Иисус в Нагорной проповеди призывает его почитающих: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44). Но именно в этом содер-

жится первая для одних иллюзия, а для других – обман. Она в том, что будто бы новозаветная мораль низвергает и отменяет ветхозаветные императивы возмездия, а на их место возводит принципы сострадания, милосердия и всепрощения. В «Послании к Римлянам» святого апостола Павла мы читаем: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу *Божию*. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Рим. 12:19–20).

Как очевидно, речь идет о мести, императивно о мести. На взгляд автора данной статьи, произошла интерпретационная сбивка, могущая вылиться и де-факто вылившаяся в ту самую великую иллюзию, что якобы Новый Завет, христианство, отменяет ветхозаветную «мстительную» мораль.

Новый Завет не отменяет мщения, но упорядочивает его

Новый Завет мщения как акта возмездия не отменяет, а лишь по-своему упорядочивает и иерархизирует. Он как бы говорит Христа исповедующим, Ему внемлющим: «Одумайтесь, посмотрите на себя, какие из вас судьи и мстители, разве у вас получится как подобает? Не волнуйтесь и не ропщите, передоверьте сие святое действо Арбитру Высшему, который совершит его, не в пример суду вашему, максимально точно, квалифицированно, профессионально и сурово». Так в детском саду воспитательница во избежание бузы и потасовок просит обиженных не вершить «самосуд», а обращаться напрямую к ней, и она уже, разобравшись, если сочтет нужным, сама накажет обидчика. Спрашивается, разве сей элементарный порядок отменяет сам принцип наказания?! Нет, просто умно, рационально, иерархически организует.

Человеки и до Христа судили и карали человека

Стоит оговориться, что и этот-то «элементарный» порядок никогда не был устроен: человеки, как и до Христа, судили и карали человека, так и после Его распятия немало в этом преуспели. Да и потом для особенных тугодумов и всевозможных «Фом неверующих» как будто специально заготовлена последняя, завершающая, новозаветная каноническая книга, предваряющая собой Псалтырь, – «Откровение святого Иоанна Богослова», известная как Апокалипсис. Если уж и она не убедит, так сказать, не введет в рассудок, то уж ничего не поделаешь – терапия тут, видимо, бессильна.

А вообще, надо сказать, это «Откровение» – всем откровениям откровение! Это просто гимн, ода, триумф, «фанфары и фейерверк» Божественного мщения.

О соотносительности понятий «месть», «мщение», «возмездие»

Вторая иллюзия, а для кого-то и обман, в том, что вроде бы совершенно ясно, что месть и возмездие – понятия не только взаимообусловленные и переплетающиеся, не только этимологически родственные, не только однокоренные, но и смыслово однопорядковые. С некоторых, но известных пор месть и ее производные стали воспринимать почти исключительно негативно и порицательно, тогда как акты возмездия практически целиком как проявления высшего блага и справедливости. Отчего-то акт мести принято редуцировать и ассоциировать исключительно в индивидуально-личностном плане, в то время как акт возмездия практически целиком сводить и связывать с социально-правовым санкционированием.

Выходит, что месть – это то, что осуждается и преследуется

Получается, что месть – это то, что осуждается и даже преследуется, то, что якобы является реликтом бесчеловечности и варварства, а возмездие – то, что достойно всяческого одобрения, почитания и приветствия, то, что не только не противоречит, а даже и способствует общественному прогрессу. Отчего-то вдруг муссируется тезис, будто чувство мести опасно для индивида, его испытывающего: оно-де отравляет и выжигает душу, иссушает эмоциональные и жизненные силы, и даже его осуществление будто бы не приносит удовлетворения и успокоения, а лишь внутреннее опустошение.

Все это сущий миф. И даже не миф, а совокупность мифов, тщательно сплетенных в одну общую мифологию. Что это не то, чтобы не совсем так, а даже скорее совсем не так, – автор абсолютно убежден.

Мечь – чувство, мщение – процесс, возмездие – результат

Во-первых, мало того, что понятия эти этимологически родственные, однокоренные, смыслово однопорядковые, они и вовсе неразлучные, неразделимые. Я совершенно ясно в этой связи полагаю, что их семантическое сочетание должно выглядеть следующим образом: месть – чувство, мщение – процесс, возмездие – результат. А посему их отчуждение друг от друга, а еще хуже – противопоставление столь же нелогичны, контрпродуктивны и даже бессмысленны в той мере, в какой процесс почему-то противопоставляют результату. Нам же не приходится в голову, исходя из непонятно каких соображений, противопоставлять и даже антагонизировать, скажем, чувство испытываемого голода, процесс поглощения пищи и насыщение как его результат. А ведь с мечью и возмездием, как это ни странно, творится приблизительно схожее.

О субъектности мести

Во-вторых, субъектом мести может быть отнюдь не только «отвязная» личность и буйная семья, но и социаль-

ная группа, общественный класс, да и все общество – целый народ или нация, сплоченное против ненавистного врага, мстящее ему за кровную обиду, поруганную честь, погрязшие святыни, за разрушенные города, за невинно убиенных, за слезы матерей. Примеров более чем достаточно. Можно вспомнить не только мотив, но и слова еще не успевшего забыться «набата»: «Пусть ярость благородная вскипает как волна. Идет война народная, священная война». Более того, если слегка пофантазировать, субъектом мести может стать, в принципе, и все человечество в порыве единения против общего супостата в ответ, допустим, на нашествие или атаку какой-то внеземной цивилизации. Равно, собственно, как и объектом мести симметрично этому может быть отдельная личность, семья, социальная группа, общественный класс, целый народ или нация и даже враждебные инопланетные пришельцы. Разве не так? По-моему, именно так.

О якобы «токсичности» мести на эмоционально-психологическом уровне

И *в-третьих*, не скажу, что абсурдна, но неверна мысль, будто бы месть, как ржа, разъедает душу, отравляет тело, «безумит» мозг и опрокидывает в аморализм. У меня на этот счет серьезные подозрения, что подобные токсичные проявления, психоэмоциональная выхолощенность, душевный надрыв и расстройство сознания, вплоть до безумия, в значительно большей степени и с гораздо большей вероятностью угрожают не тому или тем, кто осуществил взалканную справедливую месть, а как раз тому или тем, кто это святое действие по каким-то причинам сделать не смог. Вот тогда действительно – жизнь «под откос». Труса, конечно же, приветит и успокоит психоаналитик, а как быть смелому, смерти не страшась? Увлечься огородом или филателией и пить фруктовый кефир? Приторно и позорно. Со стыда сгореть можно. «Кровавые мальчики» сниться не будут, будет еще хуже: вообще не уснешь, как ни борись с бессонницей чтением психоанализа. О психоаналитиках мы, кстати, сейчас и поговорим.

Мечь – участь и удел скрытых и злобных невротиков?

Третья иллюзия (а для кого-то обман!) в том, что будто бы месть – участь и удел лишь скрытых и злобных невротиков. А для благородных, мол, сильных духом, телом и нравственностью, к тому же не обиженных, – самое что ни на есть место в рядах поборников человеколюбия, сострадания и милосердия. И, конечно же, призывного всепрощения.

Эрих Фромм о насилии из чувства мести

Наиболее ярко, зримо, рельефно подобная концептуальная парадигма отражена в творчестве гуманистического психотерапевта и психотерапевтического гуманиста Эриха Фромма. Он создал впечатляющую развер-

нутую классификацию различных форм насилия, основываясь на разнице между соответствующими неосознанными мотивациями. В этой классификации форм насилия четвертый тип насилия (вслед за *игровым насилием, реактивным насилием и насилием через фрустрацию*, служащими все же делу жизни) – *насилие из мести*. По мнению Э. Фромма, насилие из мести, хотя и родственно реактивному насилию, но уже почти патологично. Этот тип насилия, так сказать, изменяет службе жизни и «посматривает» в сторону смерти.

Мстительное насилие наносит ущерб

Это, безусловно, требует объяснения, и Э. Фромм его дает: «При реактивном насилиии речь идет о том, чтобы уберечься от угрозы нанесения ущерба, и потому этот вид биологической функции служит выживанию. При мстительном насилиии, напротив, ущерб уже нанесен, так что применение силы не является больше функцией защиты. Оно имеет иррациональную функцию магическим образом снова сделать как бы не свершившимся то, что реально свершилось.

Мстительное насилие мы обнаруживаем во всех социальных группах и у отдельных личностей

Мы обнаруживаем мстительное насилие у отдельных личностей, а также у примитивных и цивилизованных групп. Если мы проанализируем иррациональный характер этого типа насилия, то сможем продвинуться на шаг дальше. Мотив мести обратно пропорционален силе и продуктивности группы или отдельного индивида. Слабак и калека не имеют другой возможности восстановить разрушенное самоуважение, кроме как отомстить в соответствии с *lex talionis* (глаз за глаз, зуб за зуб).

Продуктивно живущий человек не имеет нужды в мщении

Напротив, продуктивно живущий человек совсем или почти совсем не имеет в этом нужды. Даже если его ущемляют, оскорбляют или ранят, он как раз благодаря продуктивности своей жизни забывает о том, что было сделано ему в прошлом. Его способность творить проявляется сильнее, чем его потребность мстить. Правильность этого анализа легко подтверждается с помощью эмпирических данных применительно как к отдельно-му индивиду, так и к общественной сфере.

Зрелый человек в меньшей степени мотивирован жаждой мести, чем невротик

Психоаналитический материал показывает, что зрелый, продуктивный человек в меньшей степени мотивирован жаждой мести, чем невротик, которому тяжело вести полную, независимую жизнь и который часто склоняется к тому, чтобы поставить на карту все свое существование ради мести. При тяжелых психических заболеваниях месть становится господствующей целью жизни, поскольку без мести не только самоуважение, чувство собственного достоинства, но и переживание идентичности находится под угрозой разрушения.

В остальных группах чувство мести является наиболее сильным

Следует также констатировать, что в остальных группах (в экономическом, культурном или эмоциональном отношении) чувство мести (например, за национальное поражение), по-видимому, является наиболее сильным. Так, мелкая буржуазия, которой в индустриальных обществах приходится хуже всех, во многих странах является главным рассадником чувства мести, расистских и националистических чувств. При «проективном опросе» можно легко установить корреляцию между интенсивностью чувства мести и экономическим и культурным обнищанием.

Месть в примитивных обществах

Несколько труднее правильно понять мечь в примитивных обществах. Во многих из них мы находим интенсивные и даже институционализированные чувства и модели мести, и вся группа чувствует себя обязанной мстить, если одному из сочленов нанесен ущерб.

Решающую роль здесь могут играть два фактора. Первый довольно точно соответствует упомянутому выше – это атмосфера психической бедности, которая господствует в примитивной группе, что делает мечь необходимым средством для компенсации потери. Второй фактор – это нарциссизм; явление, о котором я буду подробно говорить в четвертой главе. Здесь я хотел бы ограничиться следующей констатацией: в примитивной группе господствует столь интенсивный нарциссизм, что любая дискредитация самомнения членов группы оказывает на них исключительно пагубное воздействие и неизбежно вызывает сильную враждебность» [1, с. 23–24].

Авторские несогласия с Э. Фроммом о личностном «портрете» актора мести

При всем уважении к Э. Фромму с его суждениями о мести согласиться сложно. Вообще, довольно странно слышать подобные отзывы о принципе «око за око, зуб за зуб» от человека, чьи дед и прадед по отцовской линии были раввинами. По всей видимости, звание «гуманиста» обязывает. Ну да Бог с этим, равно как и с примитивными группами, тем паче что, по словам самого же Э. Фромма, понять их значительно сложнее. Возьмем объект более простой и удобный для психоанализа – цивилизованный, культурный, образованный, зрелый, продуктивный, причем не мелкий, а крупный буржуа, ведущий полноценную и независимую жизнь. По мнению Э. Фромма, подобный «образец» гуманистической нравственности, даже если его прищемят, ущедят, оскорбят или ранят, то он именно из-за продуктивности своей жизни непременно забудет об этой досадной неприятности. Кому как, конечно, но мне почему-то верится в это с трудом.

Автор выражает
недоверие
суждениям
Э. Фромма

Хотел бы я посмотреть на этого зрелого, продуктивно живущего человека, если бы его – как сейчас принято говорить в определенных кругах – подставил или «кинул» партнер по бизнесу, если бы ему не то чтобы «наступили на мозоль», а публично оскорбили, или даже не то чтобы ранили, а прилюдно дали пощечину. Э. Фромм же уверяет, что, скажем, занятие «деньги к деньгам» или новая картина, или новая книга, или новый скворечник так увлекает, что, честное слово, впору ли отвлекаться на подобные мелочи? Хорошо, допустим, что найдутся такие увлеченные, непробиваемые, зрелые, продуктивно живущие люди, не нуждающиеся в мести и даже не помышляющие об этом. Хотел бы я посмотреть на такого зрелого, не задумывающегося о мести цивилизованного индивида, на глазах которого (впрочем, присутствие необязательно), скажем, повесили бы его мать, истерзали, изнасиловали и убили его дочь. Да мало ли что случается в жизни! Что, он вновь воспринял бы это как отвлекающую от дела неприятность?!

Кем нужно
заниматься
психоаналитику
прежде всего?

Скажите на милость, кем нужно заниматься психоаналитику в первую очередь: некультурным, нецивилизованным «невротиком», перенесшим жуткую жизненную трагедию, испытывающим чувство ненависти и мести к убийцам, или тем самым невозмутимым, безмятежным, продуктивно живущим «пингином», рассматривающим подобные события с позиции взлелеянного жизненного кредо: «Ну что поделаешь? Бог дал, Бог взял!»? Первый пусть и «невротик», но человек, а второй хоть и не невротик, но не пойми что, руки бы я ему не подал. Таких вот и женщины не любят, одни, видать, психоаналитики. Вообще, по большому счету, таким вот «зрелым, продуктивно живущим людям» самое место в монастырской келье. И то не во всякой.

Откуда берется тот
эмпирический
материал, кто
проверил источники?

Пишется, что правильность позиции Э. Фромма подтверждается эмпирическим материалом применительно как к отдельному индивиду, так и к общественной сфере. Вопрос, правда, в том, откуда этот эмпирический материал – из частной психоаналитической практики или из человеческой истории. Пишется, что мотив мести обратно пропорционален силе и продуктивности группы или отдельной личности. Вопрос: какая из сословных групп более значительна по своей силе и продуктивности – дворянство или крестьянство? Ответ, на мой взгляд, очевиден: можно даже не пользоваться историческим эмпирическим материалом. Что могло быть хуже и позорнее для аристократической, дворянской чести и достоинства оставить безнаказанным

публичное, говоря словами Э. Фромма, «ущемление и оскорбление»? Не то чтобы за оскорбление и преступление – за неудачную шутку, за ненароком выроненное слово, за неуклюже спрятанную ухмылку можно было поплатиться жизнью. Хотя, наверное, опять же – и в этом их беда – удел всех отпрысков аристократических кровей быть поголовно невротиками.

О якобы
иррациональности
мести

Пишется, что месть иррациональна, поскольку дело уже сделано, ущерб нанесен, а она-де неким магическим образом пытается сделать как бы не свершившимся то, что уже свершилось. Готов поспорить, защищая именно рациональность мести. Не надо путать месть с взрывным эмоционально-реактивным действием, которыми страдают холерики.

Мечь – «блюдо,
которое подают
холодным»

Мечь, как известно, «такое блюдо, которое подают холодным». Именно холодным, то есть приступать к делу не опрометью, не на эмоциях, а как раз напротив, исключительно рационально, с предельной точностью оценив силы и возможности своего «закадычного» врага, проанализировав его слабые стороны, тайные и явные пристрастия и привычки и еще многое другое, взвесив все свои возможности, силы и ресурсы, составив тщательный план. Конечно, «ущерб уже нанесен», но что же иррационального в том, если желаешь возмездия за преступление, горишь желанием наказать обидчика, жаждешь компенсации за ущерб? Материальной может и не быть, но моральная будет точно. Что иррационального в том, если понимаешь: безнаказанность плодит преступников и множит преступления? Что касается калек и слабаков, то с ними, думается, все с точностью до наоборот: они, к сожалению, исключительно по своим физическим кондициям, будучи при этом духовно сильны, зачастую оказываются неспособны к акту заслуженной мести. Это уже их беда, и они действительно страдают от этого. И помочь им в их горе сможет вовсе не психоаналитик, а заступник.

Э. Фромм о
«компенсаторном
насилии» как мести
к самой жизни

Но вот пятый тип – *компенсаторное насилие* – уже в значительной степени патологично, хотя, конечно, и не в такой, как некрофилия. Здесь, правда, речь идет уже не об адресной, не о персонифицированной мести, а о некой «метафизической» мести, мести к самой жизни.

Э. Фромм полагал: «Под компенсаторным насилием я понимаю насилие, служащее импотентному человеку в качестве замены продуктивной деятельности. Чтобы объяснить, что я понимаю под “импотенцией”, я должен сделать несколько замечаний. Хотя человек является объектом властвующих над ним природных и обще-

ственных сил, тем не менее его нельзя рассматривать только в качестве объекта соответствующих обстоятельств. Он обладает волей, способностью и свободой преобразовывать и изменять мир, хотя и в известных границах. Решающим при этом является не сила его воли и размеры свободы, а тот факт, что человек не выносит абсолютной пассивности. Это заставляет его преобразовывать и изменять мир, а не только самому становиться преобразованным и измененным. Эта человеческая потребность находит свое выражение уже в пещерных рисунках самого раннего периода, во всем искусстве, в любой работе, а также в сексуальности. Вся эта деятельность возникает из способности человека направлять свою волю на определенную цель и работать до тех пор, пока цель не будет достигнута. Его способность применять силы подобным образом является потенцией. (Сексуальная потенция есть лишь особая форма этой потенции.)

Страдание
от импотентности
души

Если человек из-за слабости, страха, некомпетентности или чего-то подобного не в состоянии действовать, если он импотентен, то он страдает. Это страдание от импотенции приводит к разрушению внутреннего равновесия, и человек не может принять состояние полной беспомощности без того, чтобы попытаться не восстановить свою способность к действию. Может ли он это сделать и каким образом? Одна возможность заключается в том, чтобы подчинить себя некоей личности или группе, которая располагает властью, и идентифицировать себя с ней. Посредством такой символической причастности к жизни другого человек приобретает иллюзию самостоятельного действия, в то время как на самом деле он лишь подчиняет себя тем, кто действует, и становится их частью. Другая возможность – и она больше всего интересует нас в связи с нашим исследованием – это когда человек использует свою способность разрушать.

Созидание жизни –
транцендирование
своего статуса как
тварного существа

Созидание жизни означает транцендирование своего статуса как тварного существа, которое, подобно жребию из чаши, брошено в жизнь. Разрушение жизни также означает ее транцендирование и избавление от невыносимых страданий полной пассивности. Созидание жизни требует известных свойств, которые отсутствуют у импотентного человека. Разрушение жизни требует только одного: применения насилия. Импотенту нужно обладать только револьвером, ножом или физической силой, и он может транцендировать жизнь, разрушая ее в других или в самом себе. Таким образом, он мстит жизни за то, что она его обидела» [1, с. 25–26].

Авторская критика
Э. Фромма в вопросе
о метафизической
«импотентности»

Сдается мне, тут много надуманного. Кто он – этот мизантроп, жизнененавистник, патологический разрушитель, неспособный к творчеству и компенсирующий свою «импотенцию» тягой к насилию и деструкции? С кем и с чем его идентифицировать и ассоциировать? Кто он – злобный, нервный, хилый завистник-неудачник, нелюдимый, терпеть не могущий радостей жизни, по ночам при свете свечи грезящий, строящий планы, как бы взять да и отомстить всему человечеству? Так он может всю свою жизнь промечтать, в итоге никому (не то чтобы всему миру) не отомстив, не разрушив ни одного муравейника, не разорив ни одного гнезда, не напакостив соседу. Может, он варвар, вандал, физически очень сильный, крепкий, лишними думами себя не обременяющий, в принципе способный и дом построить, и дерево посадить, и сына родить, но как-то так получается, что почти все свободное от сна время он занят тем, что налево-направо крушит, убивает и насилует? А как быть с изнеженным гедонистом-сибаритом, весьма привыкшим к маникюрному набору, теплому халату, удобному креслу, получению всяческих милостей и удовольствий, а вот к созидательной деятельности никак не способным, при этом и мухи не обидящим, на весь мир за пределами своего сада со всеми его праздниками и буднями «плюющим»? Обладать револьвером, ножом, физической силой и становиться насильником и убийцей могут не только вялые «импотенты», но и весьма культурные и творческие люди. История человечества просто-таки кишит эмпирическим материалом такого рода. Говорят, на могильной плите полковника Кольта, создателя знаменитого револьвера, высечено: «Господь Бог сотворил людей, а полковник Кольт сделал их равными». Если это так, то это, в общем, не только символично, но и правильно. Настоящему полковнику, однако, и в голову не могло прийти, что старался он для «импотентов».

Э. Фромм о мести
как реакции
на ущемление
группового
нарциссизма

О мести Э. Фромм вспоминает в связи со своим анализом злокачественных форм группового нарциссизма. «Если затрагивается нарциссизм группы, мы сталкиваемся с той же гневной реакцией, о которой уже шла речь в связи с индивидуальным нарциссизмом. В истории есть многочисленные примеры, когда поношение символов группового нарциссизма вызывало приступы ярости, граничившие с безумием. Развенчивание национального флага, поношение бога группы, оскорбление их властителя или вождя, а также проигранная война или потеря территории часто вызывали у масс чувство мести, которое, в свою очередь, вело к новым войнам.

Раны, нанесенные нарциссизму, излечиваются лишь тогда, когда преступник уничтожен и тем самым возмещена обида, нанесенная нарциссизму. Индивидуальная и национальная месть часто покоится на нарциссизме и потребности залечить рану посредством уничтожения злодея» [1, с. 63–64].

Одного не пойму: почему всё нарциссизм да нарциссизм? Получается, что если человек (или целая нация) обладает чувством индивидуальной (либо национальной) гордости, чести и достоинства, то это чуть ли не автоматически говорит о проявлении нарциссизма? Если происходит с чьей-то стороны надругательство над государственным флагом, если поносят и топчут национальные святыни и символы, если оскорбляют руководителя страны, то естественная, крайне негативная реакция, даже вызывающая приступы ярости, вовсе не симптом патологии, граничащей с безумием. Скорее, наоборот: безумен тот или те, кто провоцирует на такого рода реакцию, не боясь или не задумываясь о последствиях. Чаще, однако, в подобной роли выступают не умалишенные, а абсолютно рациональные негодяи и подонки.

В другой своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм продолжает развивать конструкцию патологического континуума нарциссизма и мстительности. Читаем: «Нередко человек-нарцисс достигает чувства уверенности вовсе не ценою своих трудов и достижений, а благодаря тому, что он субъективно убежден в своем совершенстве, в своих выдающихся личных качествах и превосходстве над другими людьми. И поскольку на нарциссизме покоится его самооценка и чувство своего «Я», он должен мертвой хваткой цепляться за свои нарциссические представления. И если под угрозой оказывается нарциссизм, то сам человек воспринимает это как угрозу своим витальным интересам. Если человек-нарцисс чувствует себя ущемленным, если его недооценивают, критикуют, ловят на ошибках, унижают в играх или других ситуациях, то это обычно вызывает у нарцисса чувство возмущения и гнева, вне зависимости от того, дает ли он им волю и отдает ли он себе в них отчет. Насколько интенсивной может быть часто эта агрессивная реакция, можно судить хотя бы потому, что человек, ущемленный в своем нарциссизме, никогда в жизни не простит обидчика, ибо он испытывает такую жажду мести, которая ни в какое сравнение не идет с реакцией на любой другой ущерб – физическую травму или имущественные потери» [2, с. 176].

Авторское
несогласие с
Э. Фроммом по
данному поводу

Э. Фромм о связи
мстительности и
индивидуального
нарциссизма

Авторская мысль на сей счет

Конечно, адекватность адекватности и реакция реакции – рознь. Одно дело, когда унижают в игре в «подкидного дурачка» в смысле проигрыша, и совсем другое, когда просто унижают, без всяких там игр. Одно дело – непомерно обостренно реагировать на критику, тем паче когда ловят на действительных ошибках, и совсем другое – испытывать жажду мщения, как было сказано выше, когда издеваются и поносят святыни. Такое не забывают. И это не детский сад, когда расходятся миром примерно по следующей схеме: давай ты поноси мои святыни по четным числам, а я твои – по нечетным, или наоборот. Тут все серьезно, тут все по-взрослому.

Э. Фромм о кровной мести как о наиболее опасной форме злокачественной агрессии

Четвертая для одних иллюзия, а для других обман, в том, что будто бы институт кровной мести доводит взаимное кровопролитие до абсурда, до обесмысливания, делает бесконечным, без точки возврата, обрекая человеческие популяции на неминуемое и незаслуженное самоистребление. Никто не призывает сейчас реанимировать сию практику, но неверен сам тезис. Не поленимся снова обратиться за разъяснениями к Э. Фромму. Разные напасти в смысле нарциссизма, по его мнению, при всей их пагубности служат, как мы уже отмечали, если не делу мира, то делу жизни. Что же касается злокачественной агрессии, противной и перпендикулярной витализму, то в ряду отнюдь не кажущейся, а самой что ни на есть настоящей деструктивности мести, по взглядам Э. Фромма, стоит на самом первом месте. Уж и не знаешь, радоваться этому или огорчаться.

Агрессивность из мести – это реакция индивида на несправедливость

Э. Фромм полагал: «Агрессивность из мести – это ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-нибудь из членов его группы. Такая реакция отличается от обычной оборонительной агрессии в двух аспектах. *Во-первых*, она возникает уже после того, как причинен вред, и потому о защите от грозящей опасности говорить уже поздно. *Во-вторых*, она отличается значительно большей жесткостью и часто связана с половыми извращениями. Не случайно в языке бытует выражение “жажда мести”. Вряд ли нужно объяснять, насколько широка сфера распространения мести (как у отдельных лиц, так и у групп). Известно, что институт кровной мести существует практически во всех уголках земного шара: в Восточной и Северо-Восточной Индии, в Бенгалии, Новой Гвинее, Полинезии и (до недавнего времени) на Корсике. Кровная месть является священным долгом: за убийство любого представителя семьи, племени или клана должен понести кару тот клан, к которому принадлежал убийца.

Институт кровной мести делает кровопролитие бесконечным

Институт кровной мести делает кровопролитие бесконечным. Ведь наказанием за преступление становится тоже убийство, которое, в свою очередь, ведет к новому витку мести, и так без конца. Теоретически кровная месть является бесконечной цепью, и она действительно нередко приводит к истреблению целых семей или больших групп. Кровная месть в порядке исключения встречается даже у очень миролюбивых народов, например у гренландцев, которые не знают, что такое война, но знают кровную месть и не испытывают по этому поводу каких-либо страданий...

Жажда мести поддается вполне определенному шкалированию

Мне кажется, что жажда мести поддается вполне определенному шкалированию. При этом на одном конце шкалы находятся люди, совершенно лишённые мстительных чувств: это те, кто достиг в своем развитии уровня, соответствующего христианскому и буддистскому идеалу человека. Зато на другом конце этой шкалы располагаются люди с робким накопительным характером, нарциссы высшего ранга, у которых даже малейший ущерб вызывает бурю мстительных эмоций (настоящую жажду мести). Этому типу примерно соответствует человек, требующий, чтобы жулик, который украл у него пару долларов, был сурово наказан. Это также профессор, который, помня обидное высказывание студента в свой адрес, откажется рекомендовать его при устройстве на работу или даст плохую рекомендацию. Это покупатель, жалующийся директору магазина на плохое обслуживание и требующий, чтобы продавец был обязательно уволен. Во всех этих случаях мы имеем дело с жаждой мести как устойчивой чертой характера» [2, с. 237–240].

Автор готов подписаться под тремя тезисами Э. Фромма

Теперь мне, в свою очередь, хочется высказать ряд соображений. Готов подписаться под тремя тезисами Э. Фромма, высказанными им в цитированном отрывке. *Во-первых*, что агрессивность из мести – ответная реакция индивида на несправедливость, которая принесла страдания ему или кому-нибудь из членов его группы; *во-вторых*, что не только кровная месть, но и все формы наказания являются выражением мести; *в-третьих*, что кровная месть и закон о наказании выполняют определенную (я бы сказал – существенную) роль в обеспечении стабильности общества. Со всем остальным согласиться не могу. Кроме как издевательство, не воспринимаю положение, что, мол, месть связана с половыми извращениями. Представить себе, что солдаты, поднимающиеся в атаку, мстя супостату за разруху, за кровь и слезы детей, отцов и матерей, за вчера погибше-

Кровная месть – древнейший, мощнейший сдерживающий фактор убийства себе подобных

го друга, испытывают при этом сексуальный оргазм, – безрассудно и бесстыдно. Да, в языке бытует выражение «жажда мести», но в том же языке существует выражение «жажда жизни» – ну так что ж с того?!

А сейчас о кровной мести. Э. Фромм непоследователен: с одной стороны, он представляет обширный географический список мест, где кровная месть распространена (его, кстати, можно было бы и дополнить), не забыв даже «экзотических» гренландцев и якутов, приводит выдержки из Ветхого Завета, а с другой стороны, утверждает, что кровная месть-де является бесконечной цепью, что она-де нередко приводит к истреблению целых семей и больших групп. Не надо считать человечество глупее психоаналитиков. История буддизма исчисляется двумя с половиной тысячами лет, христианства – двумя тысячами. Тем паче, что то, как обстояло дело с местью в истории практического христианства, забыться не успело. Если бы это было правдой, как пишет Э. Фромм, то человечество не дожило бы ни до буддизма, ни до христианства, переколов, перерезав друг друга. Это неправда, что кровная месть ведет к истощению, уничтожению человеческих популяций. Напротив, она – древнейший мощнейший сдерживающий фактор убийства себе подобного. Это сущий миф, что стоит одному члену клана убить представителя другого, как это автоматически приведет к развязыванию войны на истребление. Ничего подобного. Сначала соберутся старейшины обоих родов и обсудят, как все случилось, кто виноват и насколько. Если выяснят, что это не был честный поединок, а деяние, порочащее честь рода, то не то что никакой войны не будет, а и самого нечестивца, если не успеет сбежать, выдадут пострадавшему клану. Если же сбежит, то священным долгом понесшего ущерб клана будет разыскать и покарать убийцу. Причем родной клан защищать беглеца не будет. За институтом кровной мести – мудрость рода человеческого. Подумайте, насколько больше убийств, воровства да и вообще всяких подлых, позорных поступков приходится на душу населения в цивилизованных странах, нежели в тех регионах, где кровная месть распространена.

О фроммовском «шкалировании» жажды мести

Теперь по поводу субъективности мести и ее шкалирования. Что касается одного конца данной шкалы, то он принимается, – это буддистский и христианский идеал человека. Пусть он идеалом и останется, равно как в науке недостижимым идеалом сияет абсолютное знание. Но вот второй полюс, то есть высшее проявление мести, до неприличия карикатурен. Представить в

роли мстителя с «большой буквы» злопамятного профессора и сварливого покупателя как-то даже несерьезно. Не надо путать месть с мелочностью, вычурным аккуратизмом и себялюбивой капризностью, граничащей с истеричностью. Если там и имеет место месть, то это месть с очень «маленькой буквы».

Граф Монте-Кристо – сценарий высшего проявления мести

А если уж моделировать ситуации, выдумывать персонажи, то я бы как сценарий высшего проявления мести как олицетворение, как очеловечивание второго полюса фроммовской шкалы поставил бы графа Монте-Кристо из одноименного романа Александра Дюма-старшего. Все они будут карлики по сравнению с ним. А еще бы посоветовал почитать «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского. Месть там изумительна и бесподобна: она и справедливость восстанавливающая, и зло побеждающая, главным действующим лицам силы дающая, путеводной нитью сквозь все преграды их ведущая, звездой пленительного счастья по жизни влекущая. Читаешь его, и в душе тлеет угрюмый огонь. Что же касается до обворованного на два доллара гражданина, то надлежит заметить следующее: конечно, он бессердечно придирчив, бессовестно мелочен, ему бы извиниться за то, что заметил, отдать неуклюжему воришке свое портмоне, а в придачу ключ от квартиры, где деньги лежат. Вот это было бы в самый раз! Э. Фромма почему-то не очень волнует, что воровство само по себе плохо, что воровство само по себе – грех: начинают с двух долларов, а кончают бог знает чем, где и как. Конечно, наказание должно быть соразмерно преступлению, но эра милосердия наступит лишь тогда, когда не только каждый убийца, насильник и бандит, но и каждый вор будет сидеть в тюрьме.

О моральном праве христианской церкви быть арбитром в делах мести

Пятая для одних иллюзия, а для других обман в том, что будто бы христианской церкви можно доверить роль безусловного арбитра в деле порицания и осуждения мести. Репутация тогда должна быть безупречной. Рефреном звучащий вопиющий глас «А судьи кто?» тут как нельзя более подходит. А на проверку обнаруживается, что наместница слов и дел Спасителя на сей грешной земле – христианская церковь – как раз не дает никаких оснований для сомнений и иллюзий на данный счет. За неполные две тысячи лет голов порублено, животов вспорото, дыб понаделано, виселиц понастроенно, костров позапалено – мама не горюй! Та самая «благговозвещаемая» любовь к ближнему оформилась, осела и предстала в образе судов инквизиции, «охоте на ведьм», разного рода колдунов, ведунов, целителей и

знахарей, в неутомимом и беспощадном выжигании «скверны» язычества, ереси и атеизма, в непримиримой борьбе со всякого толка сектантством и вольнодумством, организацией множества разнокалиберных крестовых походов и походиков. Земля русская, кстати говоря, среди тех, что хранят память о таковых. В результате одного из них крестонесущим латинянам пришлось приноравливаться и осваивать на Чудском озере традиционную русскую забаву – моржевание.

О том, кого
христианская
церковь
действительно любит

Получается так, что иноверцы – враги, атеисты – враги, еретики – враги, сектанты – враги, отступники – враги, сомневающиеся – неприятели, а жизнь-то одна и небо одно – на свое и чужое не делится. Бывает ведь из «могилки с любовью», а бывает и в могилку «по любви». Хороша любовь к ближнему, после которой закапывают или кремируют! Может быть, было бы для всех лучше, будь такой любви чуть поменьше, а взгляда ровного, уважения и терпимости чуть побольше? Да и вообще: а была ли любовь любовью? А то ведь бывает и такая любовь: я так человечество люблю, что за него кого хочешь прибью. Но если вся история христианства не просто свидетельствует, не просто доказывает, но и убеждает в том, что месть и возмездие верховны, если сама церковная иерархия за эти почти две тысячи лет практически только тем и занималась, что демонстрировала искреннюю приверженность этому, то спрашивается: а чего ж тогда требовать от паствы?

Церковь любит не
всякого ближнего

Церковь любит не всякого ближнего, а лишь тех очень немногих из общего числа человечества, кто является на данное время ее единомышленником (тут надо бы добавить: а кто помнит, сколько раз за всю свою историю церковь подвергала ревизии собственные каноны и догмы, и то, что до недавнего времени признавалось ересью, оборачивалось истинною верою, и наоборот?). И этим немногим избранным надо соответствующим образом строить свои взаимоотношения как с «матушкой-церковью», так и с остальным миром.

«Так давайте будем
«пасхальны»
иллюзии
и восторженной
«запоренности»»

«Пасха» в переводе с греческого означает «избавление». Так давайте будем «пасхальны» иллюзии и восторженной «запоренности». «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» – это, спору нет, лирично, поэтично, но не практично и с трудом согласуется с реальностью. С обманом надо бороться, истину – искать, найти и не сдаваться. Насущная необходимость возмездия и ее незаменимая роль в жизни людской – одна из таких, может быть, и «низких», но, без сомнения, стойких вечных истин. Если уж что и следует наметить воз-

вышнего, так это сделать для нравственного измерения то же, что Лейбниц сделал для математики, – бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла. Но при этом не будем забывать, что возмездие входит в этот «вселенский дифференциал» как его структурная имманентная составляющая.

Об императиве милосердия и всепрощения

Шестая для одних иллюзия, а для других обман в том, что будто бы императив милосердия и всепрощения выше по своему нравственному статусу императива возмездия, а посему за ним будущее человечества. За ним не будущее, а прошлое, да и то не всего, а лишь небольшой части человечества. Спрашивается, а жило ли когда-нибудь оно (человечество) в соответствии с ним сколь-нибудь массовым порядком? Если всерьез не брать в расчет житие-бытие толстовских коммун в разных уголках мира, то да, жило, но по историческим меркам недолго – где-то около трех столетий. Я имею в виду стоическое существование ранних христианских общин от распятия Христова до Никейского собора 325 года. В данном случае «из молодых, да ранних» звучит исключительно похвальным образом.

Первые христиане искренне верили, что в страдании за веру – путь к спасению

Первые христиане искренне, до самоотречения, верили, что в страдании за веру – путь к спасению. В преследованиях, гонениях, истязаниях, с лихвой выпавших на их долю, они видели свой «венец терновый», принимали их не только безропотно, а самозабвенно, с надрывом, а муки да и самую смерть воспринимали как счастье уподобиться Ему, как путь, указанный Им. Кстати, это превосходно описано в великолепном романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши». Но это быстро прошло. Стоило христианской церкви перестать быть «катакомбной» и стать господствующей, как она тут же превратилась из преследуемой в преследующую, из гонимой в гонящую, из мучимой в мучающую, из караемой в карающую. Вот они, метаморфозы роста.

Лев Николаевич Толстой с его теорией «непротивления злу насилием»

Христианская церковь поняла, что романтика романтикой, а строить жизнь как-то надо, да и не просто «как-то», а с полной ответственностью за паству. А вот Лев Николаевич Толстой не понял. Его теория «непротивления злу насилием» – это социальный романтизм, идеализм, но идеализм, на мой взгляд, весьма небезопасный. Возьмешь его как руководство к действию, наберешь сподвижников, захочешь через какое-то время подровнять ряды, но так и не сможешь найти грудь четвертого человека – выкосят население. Бывают, конечно, такие тонкие и воздушные натуры, что даже тени не отбрасывают, но именно таких романтиков злые реалисты поре-

шат в самую первую очередь. Тогда уж лучше «донкихотство», пусть себе иронизируют, что, мол, подвиг он не совершил, но погиб, идя на подвиг. Уж лучше искренне с ветряными мельницами сражаться, чем искренне обреченно идти на заклятие с понурой головой.

Позиции, близкие к «донкихотству» и «гамлетизму»

В этой связи мне вспоминается один диалог (прямотаки дидактический диалог) в романе еще одного Толстого, правда, уже Алексея Константиновича – «Князь Серебряный». Тут выкристаллизовываются позиции, если и не оформленного «донкихотства» и «гамлетизма», то очень близкие к ним. Это разговор молодого боярина князя Никиты Романовича Серебряного с боярином Борисом Федоровичем Годуновым:

«– Видишь ли, Никита Романович, – продолжал Годунов, – хорошо стоять за правду, да один в поле не воевода. Что б ты сделал, кабы примерно сорок воров стали при тебе резать безвинного?»

– Что б сделал? А хватил бы саблею по всем по сорока и стал бы крошить их, доколе б душу богу не отдал.

Годунов посмотрел на него с удивлением.

– И отдал бы душу, Никита Романович, – сказал он, – на пятом, много на десятом воре; а остальные все-таки б зарезали невинного. Нет, лучше не трогать их, князь; а как станут они обдирать убитого, тогда крикнуть, что Степка-де взял более Мишки, так они и сами друг друга перережут» [3, с. 91].

«...Сына своего я не стал бы подобному учить и в пример ставить»

Что тут скажешь? Разумно, толково, прагматично. Обреченного (которому по-толстовски и сопротивляться даже не стоит) все равно уже не спасти, так самому остаться живу для дальнейших славных дел и ряды лиходеев их же собственными руками изрядно поредить. Такие далеко идут и даже царями становятся. Все вроде бы правильно, все вроде бы резонно, но сына своего я не стал бы подобному учить и в пример ставить. Князь Никита Романович куда ближе. Но при этом ни тот ни другой и в мыслях даже держать не могли, что перед ворами, сложив руки, надо вставать на колени. И что, мол, это хорошо.

Только одно непотворение злу прекращает зло?

«Непотворение злу не только потому важно, что человеку должно за себя, для достижения совершенства любви, поступать так, но еще и потому, что только одно непотворение прекращает зло, поглощая его в себе, нейтрализует его, не позволяет ему идти дальше, как оно неизбежно идет, как передача движения упругими шарами, если только нет той силы, которая погасит его. Деятельное христианство не в том, чтобы делать, творить христианство, а в том, чтобы поглощать зло» [4, с. 197].

Авторские
рассуждения
об идеализме
Л.Н. Толстого

«Не стоит верить
сладко-вязкому,
притягательному
“абстрактному
гуманизму”»

«Выбирай
аккуратно – иметь
или быть...
имеемым»

Отчего же бы и
хорошим людям
не объединиться

Вероятно, прозвучит слегка непочтительно, но неисправим Лев Николаевич: опять романтичен, опять идеализирует. Ну что делать, если неисправимого идеалиста поразила вдруг самая что ни на есть физическая качка обычных упругих, вполне материальных, к одной ниточке привязанных металлических шаров. Бум – бум – бум. Слева – направо, справа – налево. Забавно. Ну и пусть бы качались, пока не успокоились. Но ведь делаются мудреные, замысловатые выводы.

Я бы сказал так: надо одуматься, опомниться, не стоит так верить сладко-вязкому, притягательному «абстрактному гуманизму». *Во-первых*, ненадежно; *во-вторых*, непременно подведет. Если вы и впрямь искренний, витающий в облаках гуманист, так уж, по крайней мере, надлежит знать: поглотив зло, в лучшем случае сами станете злее, а в худшем – это будет последнее ваше поглощение. Да и потом, скорее зло поглотит вас, нежели вы его, – силы-то несоразмерны, поэтому не стоит тешить себя утопическими иллюзиями, лучше сразу утопиться. К сожалению, мир таков, история мира такова, да и сами мы таковы, что нет никаких оснований обольщаться сей не по-детски опасной игрой «едока со съедобным».

Получается почти как по Э. Фромму: выбирай, но аккуратно – иметь или быть... имеемым. Нельзя забывать, что зло имеет такую конституционную особенность, как концентрироваться, аккумулироваться, наращивать свою мощь и распространяться. Здесь не только слабость не прощают, «джентльменство» не ценят, но саму уступчивость и миролюбие воспринимают не иначе как показатель недееспособности и слабости. Хотя нет: готовый стойко переносить издевательства, мучения и самую смерть, опустивший руки перед злом миротворец, без всякого сомнения, будет взвешен, оценен и вознагражден, но особым образом. Можно сказать, что такие злом даже и любимы (о такой любви говорят: «я вас любил, но странную любовью...»): из разряда потенциальных борцов с ним они переходят в разряд добровольно сложивших головы, из сражающихся – в сражаемых, превращаются в съестное, переламываются, перемальваются, перекручиваются, перевариваются, наращивая тем самым энергетический потенциал зла, и уже недобровольно становятся пособниками его усиления и распространения.

Сам же Лев Николаевич сокрушался по поводу того, что раз плохие люди в своих делах объединяются, то отчего же и хорошим не объединиться бы, ведь хороших-

то в мире больше. Вот и подумайте: если одна часть хороших, нравственных, честных людей будет обречена на неминуемую смерть и без всякой жалости и пиетета истреблена, а другая часть разобщена, дезорганизована и деморализована, так, извините за выражение, что ж в этом хорошего?! Кто одержит верх в противостоянии «беспринципной силы» и «бессильного принципа», догадаться не сложно.

О вреде кодекса «непротивления злу насилеи»

Кодекс непротивления злу насилеи — кодекс с «остовом», «каркасом» нестойким, шатким, с «материей» в нем тончайшей, воздушной, быть может, даже безвоздушной, невесомой. Говоря словами Ф.М. Достоевского, из «неевклидовой геометрии». Так к ней и следует относиться: умиляться, любоваться, восхищаться, даже гордиться где-то: ишь ведь до чего дух человеческий дойти может. Прямо-таки почти недосыгаемая высота духовного роста! Но ни пробовать, ни повторять ни в коем случае не надо — чрезвычайно вредно для здоровья. Иногда даже несовместимо со здоровьем. Принцип этот надо воспринимать как некий исключительно умозрительный идеал и исключительно восторженную мечту. Но если и мечту, соглашусь, то непременно несбыточную, а если и идеал, то непременно тот, о котором можно погрезить кое-кому в лунную безветренную ночь, но стремиться к которому, призывать к которому, пытаться хоть как-то реализовать который чрезвычайно и в высшей степени опасно. Как только начнешь им руководствоваться, претворять в жизнь практически, да, не дай Бог, организованно и массово, он, как мифический двуликий Янус, хитро оборачивается своей противоположностью — натворишь таких бед, прольешь столько невинной крови, что никакому Навуходносору и не снилось. Игры забываются, результаты остаются. Не будем и мы, в свою очередь, забывать избитую «кряжистую», истину: дорога в ад вымощена благими намерениями.

Какое невероятное количество кровавых преступлений не совершено из-за страха наказания?

Представляете, какое невероятное количество мерзких, чудовищных, леденящих душу кровавых преступлений (я даже не имею в виду малые и большие войны) за всю историю человечества совершено разными подонками и негодьями, какой невероятной ценой за них заплачено. А представляете, какое невероятное количество не менее чудовищных и кровавых преступлений не совершено исключительно из-за страха наказания, из-за страха справедливого возмездия. И хотя страх зачастую плохой советчик, но в данном случае сыграл просто-таки неоценимую роль в спасении многих десятков, а то и сотен миллионов людей. Говорят:

«кабы молодость знала, кабы старость могла...» Это же должен знать каждый – и стар, и млад. Подобное знание ведет к здоровому консерватизму, а незнание – к могиле. Кстати, это отчасти перекликается с известным изречением сэра Уинстона Черчилля: «Кто в молодости не был либералом – у того нет сердца, тот же, кто в зрелом возрасте не стал консерватором – у того нет ума».

О торжестве
бесчестия

Теперь по поводу не просто усиливающегося бесчестия, а даже торжества оно, даже какой-то победоносной эволюции бесчестия. И самое скверное, что ничего уже с этим не поделаешь. Платон, помнится, величал военных «честолюбцами». Это те, кто, как спартанский царь Менелай, за поруганную честь устраивает троянские войны; те, кто вызывает огонь на себя; те, кто, прощаясь, говорит: «Честь имею!»; те, с кем прощаясь, говорят: «На следующий день после бессмертия». Это такие, как не только царь Менелай, но и лейтенант Ивановский из повести Василя Быкова «Дожить до рассвета», и лейтенант Плужников из повести Бориса Васильева «В списках не значился». Борьба с честолюбцами очень непросто: их можно либо убить, либо сполить, что, кстати говоря, хорошо уяснили себе североамериканские колонисты. И было время, когда военные действительно правили. Потом Средние века одарили мир рыцарством. Стоя на одном колене под клинок держащей десницы коронованной особы, новообращенный клялся, не щадя живота своего, биться со злом и защищать слабых и обиженных. И это было пиршеством и раздольем чести.

Когда звону булата
куда милее звон
червонцев

А вот «Дон Кихот» Сервантеса Сааведры – это уже тоска и помин души уходящей эпохи тех самых «честолюбцев» и упрямо крадущийся «прогресс» людей совершенно иной фактуры – без чести, без совести, для которых все «на продажу», коим звону булата куда милее звон червонцев. Для них жизненно важно всеми правдами и неправдами опорочить, очернить месь, не только вытравить ее из списка честных и праведных дел, но и перевести в разряд отягчающих вину преступлений, чтобы, по крайней мере, их не прибавляли сразу же на месте за их очередную аферу, а тянули напрямик к суду. А там, глядишь, твое скопленное золото-серебро да нужные связи вспоможение окажут, так что еще не известно – как оно выйдет, как «карта ляжет».

Капитализм – строй
цивилизованных
жуликов
и мошенников

Капитализм – это строй цивилизованных жуликов и мошенников, там без подстраховки и надежного тыла никак нельзя. Вы не задумывались над тем, что пресловутый, извечный грозно тлеющий конфликт отцов и детей зиждется, живет и согревается ничем иным, как

обостренно разным представлением и толкованием чести и достоинства? Не какими-нибудь частно-условными (пусть даже и сословными), идеологическими, эстетическими, эмоционально-психологическими, а тем более бытовыми пристрастиями и приоритетами, симпатиями и антипатиями, замечу – все это почти вздор, а именно отчетливым и крайне болезненным несовпадением понимания, что есть стыд и совесть, что есть честь и бесчестье, что дозволено, а что – нет, ни при каких обстоятельствах.

Об имманентном
родстве чувств мести
и чести

Аристократы по крови и аристократы духа всегда отличались обостренным чувством чести, даже порой вычурным, превышающим разумные меры. Но уж лучше так, чем отсутствие таковой. Честолюбцу не требуется внешних санкций для восстановления справедливости, ему не требуется чьих-то услуг по компенсации поруганной чести и поправленного достоинства, он алчет сатисфакции и готов разыграть в этой партии свою жизнь. Вы съязвите, что, мол, подчас из-за какой-то мелочи, из-за какого-то пустяка, «выеденного яйца» не стоящего, – и будете правы. Налицо дефицит разума, но профицит чести. А они, разум и честь, доложу я вам, «субстанции» редко совпадающие.

Вы можете себе
представить, чтобы
А.С. Пушкин
потащил бы Дантеса
к мировому судье?

Вы можете себе представить, чтобы Александр Сергеевич Пушкин не вызвал бы Дантеса на дуэль, а потащил бы к мировому судье? И я тоже не могу. А ведь это было бы, по нашим нынешним меркам, разумнее и цивилизованнее. И преждевременной смерти не было бы. Но я так скажу: уж лучше преждевременная смерть, чем такой разумный позор. Не о смерти надо думать, а о бессмертии. Недаром эпитафией к его «Капитанской дочке» было: «Береги честь смолоду». И Сильвио из его «Дуэли», только будучи абсолютно уверенным в правоте своего дела, только будучи абсолютно убежденным в священнодействии мести как высшем долге чести, мог после шести лет томительного ожидания и каждодневных тренировок сподобиться на акт милосердия. И экипажам крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец» было разумней и цивилизованней сдаться японцам в плен, а не устраивать всю ту драматическую «катавасию» – мы же, в конце концов, европейцы, а не какие-нибудь азиаты с их кодексом Бусидо и харакири. И хотя говорят, что «мертвые сраму не имут», мне все же ближе мысль Бориса Акунина, вложенная им в уста Эраста Фандорина в романе «Любовник смерти»: «Есть лишь одна молитва для смелого человека: упаси меня, Господи, от смерти медленной, мучительной, унижительной» [5, с. 107].

Мечь должна быть
соразмерна
причиненному вреду

В Древней Греции – на родине классических искусств, науки и философии, так чтившей, кроме красоты и отваги, именно мудрость, в пантеоне олимпийских богов богиней правосудия и возмездия, карающей за нарушение общественных и нравственных порядков, была неотразимая, несравненная Немезида. Дочь могущественного и коварного Хроноса, младшего из сыновей Урана, не побоявшегося, в отличие от остальных его многочисленных детей, поднять руку на своего отца, низвергнуть его и отнять у него власть, она, величавая и величественная, представлялась со скипетром, мечом и плетью, больше похожей на кнут, в своих божественных десницах, торжественно выезжающей на бесподобной колеснице, запряженной грифонами. Не правда ли, было перед кем благоговеть, на кого возлагать надежды, у кого просить защиты, перед кем торопеть и кого ужасаться?! Вот уж кто действительно не посмотрит ни на звания, ни на имена, ни на расстояния! Демократична до предела: не мерит ни по расовым, ни по национальным, ни по половым, ни по политическим, ни по каким-либо иным признакам. Есть чему поучиться и смертным: речь идет не о допустимости или о недопустимости мести, а о том, чтобы не ошибиться в ее адресате и чтобы мечь была соразмерна причиненному вреду.

Европейская цивилизация последние полтысячи лет шла по пути возвеличивания разума, к сожалению, – за счет умаления чести

Так уж случилось, что европейская цивилизация последние полтысячи лет упорно шла по просветительскому пути возвеличивания разума, что само по себе и неплохо, но вот что действительно плохо – за счет умаления чести. Этические нормы становились все более «гуттаперчевыми», а, соответственно, и область приложения чести все более напоминала «шагреновую кожу». Разумом своим я, конечно же, понимаю, что так вроде бы логичней, целесообразней и цивилизованней, что нельзя позволять «плебсу» скатываться в самосуд, хаос и анархию, но на сердце отчего-то тяжко.

Неистребимая жажда торжества Немезиды

И тем не менее закончу так: мечь – чувство, мщение – процесс, возмездие – результат, и неистощимая, неистребимая жажда торжества Немезиды.

1. Фромм Э. Душа человека. – М., 1992.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
3. Толстой А.К. Князь Серебряный. Стихотворения. Баллады. – М., 1988.
4. Толстой Л.Н. Дневники. 1898 // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 53. – М., 1953.
5. Акунин Б. Любовник смерти. – М., 2016.

References

1. Fromm E. *Dusha cheloveka*. Moscow, 1992. (in Russian)
 2. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti*. Moscow, 1994. (in Russian)
 3. Tolstoy A.K. *Knyaz' Serebryanyy. Stihotvoreniya. Ballady*. Moscow, 1988. (in Russian)
 4. Tolstoy L.N. *Dnevnik*. 1898. In: *Polnoe sobranie sochinenij*. V 90 t. T. 53. Moscow, 1953. (in Russian)
 5. Akunin B. *Lyubovnik smerti*. Moscow, 2016. (in Russian)
-

